

Полевые исследования как средство формирования межкультурной компетентности студентов педагогических вузов

<https://doi.org/10.31483/r-112985>
УДК 39:316.77

Арестова В. Ю.

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова
г. Чебоксары, Российская Федерация.

 <https://orcid.org/0000-0003-4450-5505>, e-mail: arestova.veronika@gmail.com

Резюме. Современная школа принимает на себя вызовы, связанные с глобализационными процессами. Объективным ответом на процессы интеграции и унификации общества со стороны системы образования в сложившихся условиях выступает межкультурная компетентность педагогов. Настоящая работа посвящена формированию межкультурной компетентности студентов педагогических вузов. В исследовании приняли участие студенты, обучавшиеся в 2013–2018 гг. на психолого-педагогическом факультете Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. Исследование было проведено в три этапа: 1) выявление уровней мотивационно-ценностного компонента межкультурной компетентности; 2) организация и проведение студентами полевых исследований с целью формирования когнитивно-деятельностного компонента межкультурной компетентности; 3) повторная диагностика мотивационно-ценностного компонента. Основное содержание статьи раскрывает результаты полевых исследований, проведенных студентами педагогического вуза под руководством автора в чувашских, русских, татарских и мордовских селах Чувашской Республики. В результате исследования автором сделаны выводы о том, что практика сбора и фиксации сведений, отражающих локальные традиции, культурные особенности и характер взаимоотношений соседствующих этносов способствуют укреплению интереса к культуре своего народа, позитивного отношения к собственному и другим народам и в целом эффективному формированию межкультурной компетентности студентов педагогических вузов.

Ключевые слова: этнокультурная компетентность, этнокультурное образование, полевые исследования, критерии этнокультурного образования, компоненты этнокультурного образования.

Для цитирования: Арестова В. Ю. Полевые исследования как средство формирования межкультурной компетентности студентов педагогических вузов // Этническая культура. 2024. Т. 6, № 3. С. 45–51. DOI 10.31483/r-112985. EDN VTGWEU

Forming of ethnocultural competence of students of pedagogical specialties

Veronika J. Arestova

 Chuvash State University
Cheboksary, Russian Federation.

 <https://orcid.org/0000-0003-4450-5505>, e-mail: arestova.veronika@gmail.com

Abstract. The increase in global interactions has caused a growth in the exchange of ideas, beliefs, and culture. These phenomena have also affected schools, so it is important to develop intercultural competence in teachers. The study involved students who studied in 2013–2018 at the Faculty of Psychology and Pedagogy of the Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev. The study was conducted in three stages: 1) identifying the levels of the motivational and value component of intercultural competence; 2) organizing and conducting field research by students in order to form the cognitive-activity component of intercultural competence; 3) re-diagnostics of the motivational and value component. The main content of the article reveals the results of field research conducted by students of the pedagogical university under the supervision of the author in Chuvash, Russian, Tatar and Mordvin villages of the Chuvash Republic.

Keywords: ethnocultural education, field research, criteria for ethnocultural education, components of ethnocultural education.

For citation: Arestova V. J. (2024). Forming of ethnocultural competence of students of pedagogical specialties. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 6(3), 45–51. EDN: VTGWEU. <https://doi.org/10.31483/r-112985>.

Введение

Межкультурное разнообразие общества проявляется в наличии различных социальных общностей, имеющих свой язык, традиции, обычаи, ценности и поведенческие стереотипы. Это разнообразие является объективным результатом исторического развития общества и вместе с этим создает определенные трудности в коммуникации и эффективном взаимодействии между представителями различных культур. Это отражается и на современной школе, которая характеризуется большим разнообразием по этническому признаку обучающихся, что неудивительно, если принять во внимание

миграцию населения и в целом – глобализационные процессы. Объективным ответом на процессы интеграции и унификации общества со стороны школы в сложившихся условиях выступает с одной стороны – этнокультурное воспитание обучающихся, а с другой – межкультурная компетентность педагогов.

Региональные, национальные и этнокультурные особенности народов Российской Федерации учтены в Федеральных государственных образовательных стандартах основного общего образования и ориентируют педагогов на использование в учебно-воспитательном процессе многообразного цивилизационного наследия

России. Данное положение перекликается с компетентностной моделью профессионального педагогического образования, которая закреплена в нормативных документах – Федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования и является обязательной для реализации в педагогических вузах. Вузы в соответствии со стандартами разрабатывают программы бакалавриата и магистратуры и формируют требования к результатам ее освоения в виде универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций. Универсальные и общепрофессиональные компетенции среди прочих имеют и межкультурный аспект. В качестве таковых можно назвать универсальную компетенцию-5 (способен воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах) и общепрофессиональную компетенцию-4 (способен осуществлять духовно-нравственное воспитание обучающихся на основе базовых национальных ценностей), сформулированные в программе бакалавриата по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование.

Под профессиональными компетенциями принято понимать готовность выпускника применять полученные им за годы обучения знания, умения, навыки и сформированные личностные качества в разнообразных ситуациях профессиональной деятельности. Ранее проведенное нами исследование¹ показало, что фольклор, в частности его игровые формы, являются востребованными в педагогической практике, а учителя-предметники, например, учителя родного языка, музыки, начальных классов, истории, культуры родного края, технологии и др. самостоятельно собирают местный фольклор, чтобы затем использовать его на уроках или во внеклассной воспитательной деятельности. Часто учителя объединяются с сотрудниками местных историко-краеведческих музеев, педагогами дополнительного образования, работниками учреждений культуры и проводят совместные воспитательные мероприятия, посвященные истории и культуре родного края. Поэтому был сделан вывод о том, что будущим учителям полезно научиться собирать и применять сведения, отражающие локальные традиции, культурные особенности, исторические факты и пр. с тем, чтобы сначала использовать их в процессе обучения (на педагогической практике или при выполнении выпускных квалификационных работ, посвященных проблемам воспитания), а затем – непосредственно в своей профессиональной педагогической деятельности.

Исходя из структурного подхода, рассматривающей личность как иерархическую структуру, в которой в большей степени социально обусловленными являются направленность и опыт (по К. К. Платонову), были определены мотивационно-ценностный и когнитивно-деятельностный компоненты межкультурной компетентности будущих педагогов.

Мотивационно-ценностный компонент представляет собой внутренние побуждения, которые направляют человека к действию. В этом случае студент проявляет

активный интерес к историческому прошлому своего народа, к духовным ценностям национальной культуры как части общечеловеческой культуры (любовь к родному народу, родной природе, семейные устои, гостеприимство и уважительное отношение к человеку другой национальности, праздники и обряды, народные ремесла и рукоделие и пр.); знает, понимает этнокультурные ценности и на этой основе осознает собственную этническую принадлежность.

Когнитивно-деятельностный компонент включает в себя теоретическую информацию, факты, принципы и концепции, которые человек усваивает в процессе обучения; практические навыки, которые позволяют применять полученные знания на практике; способность анализировать и оценивать информацию.

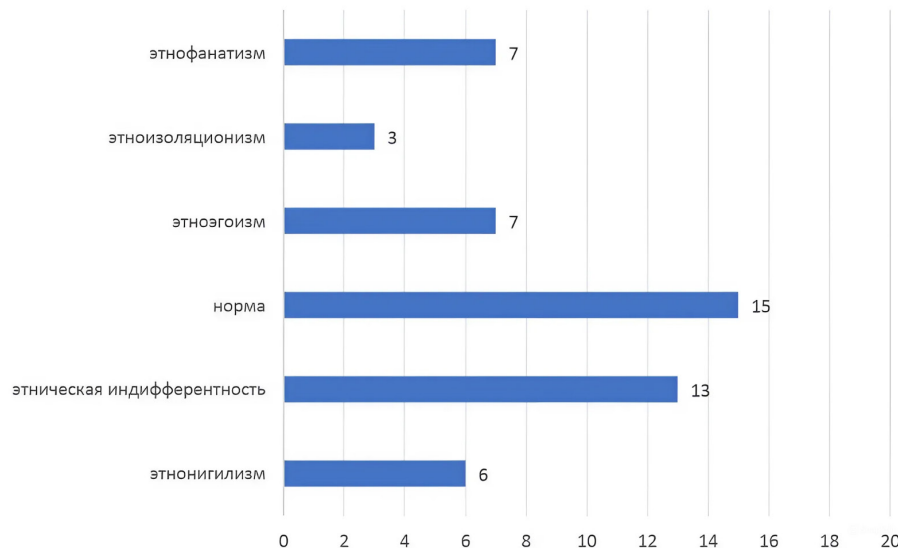
Материалы и методы

В исследовании приняло участие 27 студентов, обучавшихся в 2013–2018 гг. на психолого-педагогическом факультете Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. Исследование было проведено в три этапа. На первом этапе у студентов были выявлены уровни мотивационно-ценностного компонента межкультурной компетентности. Второй этап – организация и проведение студентами полевых исследований с целью формирования когнитивно-деятельностного компонента межкультурной компетентности. Третий этап – повторная диагностика мотивационно-ценностного компонента. Цель повторной диагностики заключалась в выявлении возможных изменений в мотивации и в целом в ценностных ориентациях студентов после проведения ими полевых исследований.

Для диагностики мотивационно-ценностного компонента межкультурной компетентности будущих педагогов использовалась методика «Типы этнической идентичности, разработанная Г. У. Солдатовой и С. В. Рыжовой (1998)², для диагностики когнитивно-деятельностного компонента – метод коллективной экспертной оценки. Экспертная оценка производилась комиссией на конференции по итогам практики, где были заслушаны доклады студентов, сделанные по результатам полевых исследований с демонстрацией видеозаписей бесед и интервью с жителями чувашских, татарских, русских и мордовских сел Чувашии. Доклады оценивались по таким критериям, как полнота собранных сведений (фамилия, имя, отчество респондентов, год рождения, местность, условия записи, полученные сведения и обнаруженные факты, фото- и видеопрезентация собранного материала, расшифровка записи на национальном языке, перевод записи на русский язык, составление сценария мероприятия для школьников, составленного на основе собранного материала). Уровни сформированности межкультурной компетентности по когнитивно-деятельностному признаку оценивались согласно принятой в вузе системе рейтинговой оценки: 90–100 баллов – высокий уровень, 78–89 баллов – средний уровень, 61–77 – низкий уровень, 60 баллов и меньше – недопустимый уровень.

¹Арестова В. Ю. Национально-региональные особенности этноадаптации в школах Чувашии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. №4. Часть 3. С. 18–21.

²Психодиагностика толерантности личности / под редакцией Г. У. Солдатовой, Л. А. Шайгеровой. Москва : Смысл, 2008. 172 с.

Рис. 1. Степень выраженности этнической толерантности в учебной группе до полевых исследований
Fig. 1. The degree of expression of ethnic tolerance in the study group before the field research

Результаты и их обсуждение

Выявление уровня мотивационно-ценностного компонента межкультурной компетентности было проведено по опроснику «Типы этнической идентичности». Он содержит шесть шкал, соответствующие таким типам этнической идентичности, как: этнонигилизм, этническая индифферентность, норма (позитивная этническая идентичность), этноэгоизм, этноизоляция, этнофанатизм. Испытуемым предлагалось оценить 30 различных утверждений такими вариантами ответов: согласен (четыре балла); скорее согласен (три балла); в чем-то согласен, в чем-то нет (два балла); скорее не согласен (один балл); не согласен (ноль баллов). По каждой шкале можно набрать от нуля до 20 баллов. Качество и степень выраженности этнической толерантности распределены следующим образом: от нуля до четырех баллов – низкий уровень, от пяти до восьми баллов – пониженный уровень, от девяти до 12 баллов – средний, от 13 до 16 баллов – повышенный, от 17 до 20 баллов – высокий уровень проявления соответствующего типа идентичности. Результаты диагностики студентов показаны на рис. 1 в виде среднего арифметического значения по каждой шкале.

Значение «шесть» по шкале «Этнонигилизм» показывает пониженный уровень отклонения от собственной этнической группы, т. е. такие люди не испытывают негативного отношения к собственной нации. Значение «13» по шкале «Этническая индифферентность» показывает повышенный уровень неактуальности этничности, т. е. такие люди считают, что его народ не лучше и не хуже других, а к собственной этничности относятся безразлично. Значение «15» по шкале «Норма» говорит о повышенном уровне позитивной этнической идентичности, когда позитивное отношение к собственной нации сочетается с позитивным отношением к другим этносам. Низкий и пониженный уровень имеют значения по шкалам «Этноэгоизм», «Этноизоляция», «Этнофанатизм», т. е. можно говорить о низком уровне этнической нетерпимости.

Второй этап исследования был посвящен формированию когнитивно-деятельностного компонента меж-

культурной компетентности. Для этого в период педагогической практики под руководством автора статьи студентами были проведены полевые исследования с целью выявить не только этнокультурные особенности основных этносов, проживающих в Чувашии (чувашей, русских, татар, мордвы), но и их межкультурные связи.

Наиболее интересные сведения о межкультурных связях были обнаружены в местах совместного проживания упомянутых этносов. Так, например, в с. Урмаево Комсомольского муниципального округа Чувашской Республики, где проживают татары-мишари, выявлены случаи объединения русских традиций масленицы с татарскими традициями празднования *Нәүрүз* (Наврүз). Студентка Л. Р. Акшова предоставила фотографию (см. рис. 2), которая демонстрирует факт взаимовлияния и взаимопроникновения культур татарского, русского (и чувашского в том числе) народов. На фото мы видим чучело, какое по обыкновению бывает у русских и чувашей на Масленице, но на фото запечатлено празднование *Нәүрүз* (День весеннего равноденствия, считающийся у татар началом нового года). Комментарии к этому фото мы получили от местных жителей, которые сообщили, что подобные случаи нужно расценивать как копирование праздника соседнего народа, в который как бы «играют», при этом сакральный смысл в происходящее не вкладывается.

Татары-мишари, живущие в д. Полевые Бикшики Батыревского округа Чувашской Республики, говорили, что в их селе Масленицу начали праздновать примерно с 2008 г. (Гелиня Идиятулловна Атеева, 1930 г. р., с. Полевые Бикшики). Респонденты особо подчеркивали, что исторически сформированные отношения между татарами и чувашами являются дружескими и устойчивыми, приводили в пример, как жители с. Токаево дружно жили с чувашами с. Чурачики и Подлесные Чурачики. Отмечали, что старшие поколения татар хорошо знают обычаи и праздники чувашей, их народные песни и танцы. А те чуваше, которые дружили и постоянно общались с татарами, тоже хорошо знали и знают татарский язык, татарские песни и обычаи. Мно-

гие чувашки в Комсомольском округе знают татарские народные песни, такие как: «Күбәләк» («Бабочка»), «Зәңгәр күлмәк» («Синее платье») и др. По воспоминаниям местных жителей, если в пасхальную неделю к ним заходили чувашки, то они преподносили им крашенные яйца, которые специально сами красили (Небиулла Зайнуллович Шайдуллин, 1939 г. р., с. Токаево Комсомольского округа Чувашской Республики).

Рис. 2. Жители с. Урмаево на празднике Нәүрүз (Навруз)
Fig. 2. Local people of the Urmaevo village
at the Nowruz festival

В настоящее время среди чувашей и татар в Комсомольском и Батыревском округах Чувашии существует традиция совместного празднования двух схожих праздников: чувашского акагуя и татарского сабантуя. В одном хороводе можно увидеть и чувашей, и татар.

Интересные факты были выявлены в с. Трехизб-Шемурша Шемуршинского округа, которое расположено на южной границе Чувашской Республики с Татарией. Издавна соседи-мижеры (так называют в селе татар-мишарей, живущих в д. Старые и Новые Какели) считались хорошими соседями. Татары продавали чувашам с. Трехизб-Шемурша солому, а сельчане им овец. У каждого рода были свои друзья татары – *мишер тус*. В селе чувашки могли общаться с татарами на татарском, а приходившие в деревню татары – на чувашском. Теперь общаются только на русском. В быту местных жителей используют некоторые татарские слова, например: *калай* – кровельное железо, *явләк* – платок; они готовят традиционное татарское блюдо – *баурсак*. Местные жители считают, что чувашские имена, распространенные в деревне, такие, как Ильяс, Хемит, Идрис, Эмир, Эхтем, Хампик, Яхвис и др. обязаны своим происхождением близкому соседству с татарами (Александра Константиновна Мулендеева, 1941 г. р., с. Трехизб-Шемурша Шемуршинского округа).

Некоторые элементы татарской культуры проникали в быт чувашей. Так, например на рис. 3 и 4 показаны женские украшения, принадлежащие чувашке, жительнице д. Ново-Изамбаево Яльчикского округа Чувашской республики Ольге Егоровне Жирновой 1899 г. р., которые она получила в наследство от своей матери³. Украшение на рис. 3 выполнено в технике татарской скани, относится к чулпам (накосникам). Браслет на рис. 4 имеет узнаваемый тюркский орнамент. В научной литературе приведены сведения о том, что у низовых чувашей и чувашей, территориально соседствующих с татарами, чулпы были распространены. Так, Н. Ю. Кашпар утверждает, что «в костюме низовых чувашей косники данного типа также входили в состав ожерелий в качестве наспинной подвески, расположенной на уровне конца косы. Чувашки Приуралья использовали чулпă как подвески к головному убору *хушту*» [Кашпар, 2020, с. 175]. В нашем же случае женщина носила его как нагрудное украшение на свадьбы и по большим праздникам (Анастасия Никодимовна Карсакова, 1942 г. р., с. Ново-Изамбаево Яльчикского округа Чувашской Республики).

Толерантность, взаимная бесконфликтность и интерес к традициям – характерная черта взаимоотношений чувашей, русских, татар, мордвы, проживающих в Чувашии.

³Фото на рис. 3 и 4 предоставлены учительницей чувашского языка средней общеобразовательной школой № 2 г. Чебоксары М. П. Абуковой, родственницей О. Е. Жирновой.

Рис. 3. Накосник чулпы
Fig. 3. Braid decoration

Рис. 4. Браслет
Fig. 4. Bracelet

Так, например, на территориях Чувашии, граничащих с Нижегородской областью, проживает много русских, особенно в г. Ядрине, которые были знакомы с обрядами и праздниками чувашей, но участия в них не принимали, а были лишь в качестве зрителей (Таисия Петровна Назарова, 1929 г. р., г. Ядрин, уроженка Спасского округа Нижегородской области). Эти сведения относятся к середине XX в. Здесь необходимо заметить, что и в XXI в. русские, проживающие на территории Чувашии, хотя и принимают некоторые элементы чувашской культуры (например, русские используют чувашское слово «салат» для обозначения плетки, используемой в одном из местных русских обрядовых праздников⁴), но всегда сохраняют этнокультурную идентичность.

Гадание на Святки имеет много общего у чувашей, русских и мордвы. Респонденты приводили в пример такие способы гадания: «Девушки бегают с сапогами и бросают их через забор, в какую сторону сапог упадет там и суженный будет; ночью ходили в темноте ловить овец и по тому, кто какую шерсть выдернет, значит с такими волосами жених будет; ловили кур, если курица кудахчет, значит, свекровь злая будет; бегали на перекресток и слушали, из какого конца собака залает, то там жених будет; ночью бегали, стучали по окошкам с вопросом “Как у меня жениха зовут?” и получали в ответ какое-либо имя» (Екатерина Николаевна Красенкова, 1938 г. р., уроженка русского села Ичиксы Алатырского округа); «Кидали валенок через ворота, куда нос укажет, оттуда жених будет» (Татьяна Андреевна Кержаева, 1941 г. р., мордовское село Напольное, д. Студенец Порецкого округа); «Зерно наклали, самогонку налили, воду налили, хлеб налили <...> надо курицу поймать и занеси. Куда курица клонет, такой у тебя муж будет» (Александра Федоровна Галкина, 1947 г. р., мордовский поселок Алтышево Алатырского округа); «Кидали валенки за ворота. В какую сторону смотрит валенок, в ту сторону, значит, замуж выйдешь. Нам было очень интересно узнать имя суженого. Подходили к окнам домов, стучали и спрашивали: “Как зовут моего будущего мужа?”. Отвечали: *Макицам*. Как мы злились, когда называли это имя. Когда отвечали *Щтапан* – еще больше злились. Гадали мы следующим образом: в чашку наливали воду, потом ходили ловить кур в сарай. Кому-то попадались куры, кому-то петух. Ставили чашку с водой и зернами, зеркало и пускали кур. Некоторые куры прыгали под скамейку. Это к беде. Если курица сначала клевала зерна, это означало, что муж будет богатым. Если пила воду, то муж будет выпивать. Если будет стоять у зеркала, то он будет легкомысленным. Еще мы на листочках писали мужские имена и кидали их. Один листок нужно было поймать – так мы узнавали имя будущего мужа» (Нина Павловна Сазонова, 1951 г. р., чувашское село Чуманкасы Моргаушского округа); «Входя в хлев, ловили овец. Кому попадется белая – говорили, что муж будет светловолосым, а если же черная – темноволосый.

⁴Речь идет о празднике «Кукла», который отмечают через неделю после Троицы жители с. Русские Атаи Красночетайского округа Чувашской Республики. В настоящее время чувашки, проживающие в селе, тоже участвуют в праздновании обряда, используют свои национальные костюмы, водят вместе с русскими обрядовые хоры (опрос местных жителей и запись обряда проведены под руководством Г. А. Афанасьевой, учителя чувашского языка и литературы школы № 48 г. Чебоксары в 2015–2016 гг.).

Потом, выходя из хлева, брали в охапку тёмке (штaketник) на улице. Если попадалось парное количество, считалось, что в этом году девушка выйдет замуж. <...> Гадали на курах: в чашку наливали воду, потом ходили ловить кур в сарай. По этому гаданию узнавали, каким будет будущий муж: пьяницей или нет (Ольга Григорьевна Разбойкина, 1936 г. р., Пелагея Петровна Храмова, 1938 г. р., чувашское село Старые Айбеси Алатырского округа).

Жители русских и мордовских сел используют одинаковое слово – келья для обозначения помещения (как правило, жилища одиноких или вдовьих женщин, чаще всего бедных), в котором собиралась молодежь на посиделки, например, на святки: «...раньше ведь в кельях сидели, не было клуба-то, не открывали, летом только, а зимой-то там не было, там в клубе-те ничего, а мы придем в келью, сидели. Всю жизнь в кельях. Ребята придут с гармошкой, пляшем (Любовь Ивановна Демина, 1939 г. р., Алатырский округ, русское село Ичиксы); «...сидели в кельях, к вечеру там соберемся, возили дров, чтобы затопить, ну, потом сидели, женихи у нас были, плясали, песни пели» (Татьяна Андреевна Кержаева, 1941 г. р., мордовское село Напольное, д. Студенец Порецкого округа).

В рекрутских песнях чувашей и татар-мишарей прослеживается близость этических жизненных ориентиров, выражающихся в пожелании добра окружающим и не причинении им каких-либо неудобств. Ниже приведены две рекрутские песни, записанные в чувашском селе Яншихово-Норваши Янтиковского округа и в татарском селе Урмаево Комсомольского округа:

Нървашах сьакри, ах, ма сёмсе
Кассаях сьиме тьарсассан.
Салтаках сьакри, ах, ма тертлэ
Тьтсаях сьиме тьарсассан.
Салтакан лаши, ах, шьанкравля
Хуьсией кан пелет пуль.
Салтакан шьапией, ах, нит тертлэ
Турриех кан пелет пуль.
Уй хапхи патне, ах, ситсессён
Симёсех курьакне таптас мар.
Хамьрах ялтан, ах, тухсассан
Тавансен камьалне хуьсас мар.
Улмуьси чечек, ах, сурн чух
Тухсассам килмес пахчаран.
Уьсеех пёвём, ах, ситнё чух
Каяссам килмес Нървашан⁵.

Почему Норвашский хлеб мягкий, / Когда начнешь резать? / Солдатский хлеб почему горек, / Когда начнешь есть? / То, что солдатская лошадь с колокольчиком, / Только хозяин знает, наверное. / То, что солдатская судьба очень трудная, / Только бог знает, наверное. / Когда дойдем до околицы, / Не будем топтать зеленую траву. / Когда из своего села выйдем, / Настроение родственников портить не будем. / Когда цветет яблоня, / Не хочется выходить из сада. / Когда повзрослеешь, / Не хочется уходить из Норваш.

Без авылдан чыккан чакта
Кутарелде бураннар.
Эллэ кайтам, эллэ кайттым.

⁵Записано и переведено уроженцем с. Яншихово-Норваши Янтиковского округа В. В. Петровым (1949 г. р.) у матери Клавдии Петровой.

*Сау булыгыз, туганнар!
Солдатларга аш бирэләр
Калай савытлар белән.
Әнкәй безгә кычкыралар
Ачы тавышлар белән.
Тәрзә ачып жимнәр сиптем.
Ашагыз кышкайларым.
Зәңгәр чәчәк уртасында
Яшәгез, ду斯卡йларым.
Алма бакчасына кереп
Озеп алдым бер йозем
Бетте сүзем, ике күзем
Хат язып жибәр узең!⁶*

Когда мы выходили из деревни, / Поднялся буран. / Не знаю, вернусь я или нет. / До свидания, родственники! / Солдатам суп дают / В железных тарелках. / Мамы нам кричат / Горькими голосами. / Открыв окно, насыпал корм (для птиц) / Кушайте, дорогие. / Среди голубых цветов / Обитайте, друзья! / Войдя в яблоневый сад, / Сорвал одно яблоко. / Закончились слова, устали глаза (от ожидания тебя) / Прошу, отправь хотя бы весточку.

Яблоня упоминающаяся и в чувашской, и в татарской песне, – это образ молодой девушки. В традиционных чувашских песнях часто девушка раскрывается через образ яблони: «Шорй теҫсё, илемлө теҫсё / Олма йәвәҫсин чечекне. / Сарй теҫсё, лаййх теҫсё / Вон сич ҫолхи хёрсене» (Говорят, белы и красивы яблоневые цветы, говорят, русы и пригожи семнадцатилетние девушки)⁷. Подобные примеры можно встретить и в авторской прозе, в которой эстетические взгляды писателя тесно связаны с традиционной национальной культурой. Об этом говорят, например, Г. Г. Ильина и

⁶Записано и переведено студентами Чувашского государственного педагогического университета в с. Урмаево Комсомольского округа в 2017–2018 учебном году.

⁷Ашмарин Н. И. Сборник чувашских песен, записанных в губерниях Казанской, Симбирской и Уфимской. Казань : Типолиитография императорского университета, 1900. С. 79.

А. Ф. Мышкина, анализируя повесть Ю. Скворцова «Уках хурән» («Березка Угах»): «...яблоня здесь – это Угахви, девушка в расцвете сил» [Ильина, Мышкина, 2016, с. 31]. В любовной лирике татарского народа тоже используется образ яблони и яблока, например, в татарской песне «Алмагачлары» («Яблони»). Л. Ф. Замалиева в своем исследовании говорит о том, что в татарской народной лирике слово *алма* «яблоко» используется для создания образа любимого человека⁸.

Пример трансформации национального символа в образную характеристику персонажа можно найти и в творчестве татарских писателей. Об этом при анализе творчества Х. Туфана упоминают в своей работе А. Ф. Галимуллина и Ф. Г. Галимуллин: «Образ возлюбленной, благодаря параллелизму, вписан в образ яблоневого сада (Ты стоишь предо мной, / как цветущая яблонька)» [Галимуллина, Галимуллин, 2017, с. 129].

Выявленные нами факты культурных традиций чувашей, русских, татар и мордвы Чувашской Республики свидетельствуют о том, что межкультурные связи являются фактором развития культур этих народов и сохранения их национальной самобытности в ситуации усиливающейся глобализации.

Материал, собранный по итогам практики, был заслушан и оценен на студенческой конференции. По результатам оценки 35 процентов студентов достигли высокого уровня, 60 процентов – среднего, пять процентов оказались на низком уровне выполнения заданий. После конференции была повторно проведена диагностика уровня мотивационно-ценностного компонента межкультурной компетентности. Результаты показаны на рис. 5.

По сравнению с первым этапом результаты диагностики изменились. Так, значения по шкалам «Этноэгоизм», «Этноизоляционизм», «Этнофанатизм» (т. е. тем

⁸Замалиева Л. Ф. Генетическая и типологическая общность в тематике и образной системе татарских, башкирских, чувашских народных песен : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Казань, 2004. С. 20.

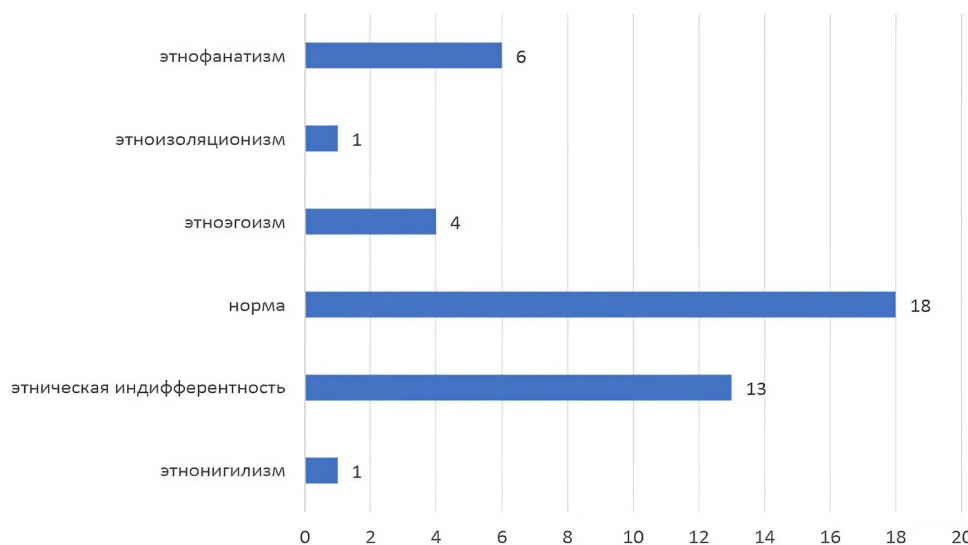

Рис. 5. Степень выраженности этнической толерантности в учебной группе после полевых исследований

Fig. 5. The degree of expression of ethnic tolerance in the study group after the field research

шкалам, которые указывают на наличие деструктивности в межэтнических отношениях) уменьшились. На прежнем уровне осталось значение по шкале «Этническая индифферентность», т. е. уровень, показывающий отсутствие предпочтения какой-либо этнической культуре, включая свою собственную, остался неизменным. Увеличилось значение по шкале «Норма», что свидетельствует о повышении позитивного отношения к собственной и другим нациям. Значение по шкале «Этнологи́зм» снизилось почти до предельного уровня, что говорит об укреплении интереса к культуре своего народа.

Выводы

Результаты работы подтвердили предположение о том, что полевые исследования являются эффективным средством формирования межкультурной компетентности студентов педагогических вузов. Собствен-

но исследования должны проводиться на территориях совместного проживания исследуемых этносов, в местах непосредственных межкультурных контактов населения. Для студентов педагогических специальностей подобная практика положительно отражается на всех компонентах межкультурной компетенции: развивается способность фиксировать и анализировать явления и факты локальных традиций, понимать их роль в становлении этических норм общества, осознавать педагогический потенциал культурного наследия и его ценность для воспитания подрастающего поколения в духе взаимоуважения и взаимопонимания. Вместе с этим закрепляются навыки коммуникации между представителями разных поколений, являющихся основой традиционных семейных устоев; формируется активный интерес к историческому прошлому своего народа, осознание духовных ценностей национальной культуры как части общечеловеческой культуры.

Список литературы

- Галимуллина А. Ф., Галимуллин Ф. Г. Специфика художественного воплощения образа сада в творчестве русских и татарских поэтов второй половины XX века // *Филология и культура*. 2017. №3. С. 127–132. EDN ZSJWIH
- Кашпар Н. Ю. Типология наконных украшений чувашей XIX – начала XX в. // *Кунсткамера*. 2020. №4. С. 168–177. DOI [10.31250/2618-8619-2020-4\(10\)-168-177](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2020-4(10)-168-177). EDN LODOEZ
- Ильина Г. Г., Мышкина А. Ф. Фольклорно-мифологическое значение фитонимов в поэтике чувашских произведений // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. №6 : в 3-х частях. Часть 3. С. 29–32. EDN VWSBXT

References

- Galimullina, A. F., Galimullin, F. G. (2017). Features of artistic expression of the image «Garden» in the works of Russian and Tatar poets: the second half of the twentieth century. *Philology and Culture*, 3, 127–132. EDN: ZSJWIH
- Kashpar, N. J. (2020). Typology of Chuvash braid decorations from the nineteenth and early twentieth centuries. *Kunstkamera*, 4, 168–177. EDN: LODOEZ. [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2020-4\(10\)-168-177](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2020-4(10)-168-177)
- Irina, G. G., Myshkina, A. F. (2016). Folklore-mythological meaning of phytonyms in the poetics of the Chuvash artistic works. *Philology. Theory & Practice*, 6–3, 29–32. EDN: VWSBXT

Информация об авторе

Арестова Вероника Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Российская Федерация;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4450-5505>;
ResearcherID: ADB-8409-2022
e-mail: arestova.veronika@gmail.com

Information about the author

Veronika J. Arestova – Cand. Sci. (Ped.), associate professor, Chuvash State University, Cheboksary, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4450-5505>;
ResearcherID: ADB-8409-2022
e-mail: arestova.veronika@gmail.com

Поступила в редакцию 13.08.2024

Принята к публикации 21.09.2024

Опубликована 23.09.2024

Received 13 August 2024

Accepted 21 September 2024

Published 23 September 2024